

ГОСУДАРЬ ДЬЯК АНДРЕЙ ШЕРЕФЕДИНОВ И ЕГО РОД

Историкам сравнительно мало известны деятели приказной бюрократии XVI в. Среди ее крупных представителей, о которых имеются специальные исследования, можно назвать дьяков И.М. Висковатого¹, братьев В.Я. и А.Я. Щелкаловых². Одним из их незаслуженно забытых современников был весьма известный в свое время Андрей Васильевич Шерифединов, могущественный и видный приказный дьяк. О нем и его роде писали академики Н.П. Лихачев, С.Ф. Платонов, С.Б. Веселовский и многие другие³. Лихачев обратил внимание, что Шерифединовы принадлежали к дворянским фамилиям, из среды которых в XVI – начале XVII в. вышли многие дьяки⁴. Платонов характеризовал А.В. Шерифедина как «заметнейшего из приближенных Грозного», достигшего всего личной выслугой, «отъявленного негодяя и насильника»⁵. Без упоминаний личности Шерифедина не обходятся труды по истории правления Ивана Грозного, Федора Ивановича, Бориса Годунова и Лжедмитрия I, поскольку он входил в политическую элиту своего времени⁶. Составить целостный и подробный рассказ о его деятельности нелегко, но наметить канву по скудным данным источников можно.

Дьяк Андрей Шерифединов принадлежал к небогатому и не очень древнему дворянскому роду. Письменные источники сообщают, что родоначальником Шерифединовых был некто Яков Серифедин⁷, живший примерно во второй четверти – середине XV в. Определенные штрихи к портрету этого человека добавляет его фамилия-прозвище. Исходящая ее форма должна быть реконструирована как Шараф-ед-Дин. Она арабского происхождения: «saraḡ» означает «честь, превосходство, почет, слава», «-ед» – артикль, «dīn» – «религия, вера»⁸. В русский ономастикон она попала из татарского, а в последний – через заимствование из арабского. Этимологизируется прозвище Якова довольно прозрачно: «честный/превосходящий/славный своей верой». Судя по фамилии, можно с некоторой долей уверенности полагать, что предком Шерифединовых был крещеный татарин (или сын такового), которых много поступало на службу великим московским князьям в период распада Золотой Орды. Скорее всего, он был принят в великокняжеские военные слуги при Василии II Темном, при крещении получив имя Яков (Иаков).

У Якова предположительно было 3 сына, очередность появления на свет которых неизвестна. Сын Якова Константин упомянут как послух в одном из коломенских поземельных актов, датированном приблизительно 1485 г.¹⁰ Другим его сыном, вероятно, был Василий, упомянутый как Василий Яковля в завещании 1490 г. коломенского землевладельца С.И. Хлопова¹¹. Василий Яковлевич был заимодавцем и одолжил когда-то Семену Хлопову полтину, которую тот распорядился отдать после своей смерти. Третьим сыном Я. Серифедина, очевидно, был Борис, живший во второй половине XV в. У последнего, в свою очередь, был сын Василий.

О Василии Борисовиче (отце дьяка А.В. Шерифедина) свидетельства источников более подробны. Он упомянут в 1509/10 г. как сын боярский¹². В этом году Василий был послухом (последним из четырех) при разъезде земель Солотчинского монастыря на р. Крапивенке близ Переяславля-Рязанского. «Дети боярские» – название широкого слоя непривилегированных служилых людей, представлявших собой низшую страту феодалов и принадлежащих к военному сословию по рождению. Термин отражал второстепенное положение по отношению к собственно боярству и членам государева двора. Как считает И.Б. Михайлова, страта «детей боярских» стала формироваться на рубеже XIV–XV вв. как снизу (из местных, «земских» вотчинников, разбиравших общинные земли), так и, в основном, сверху – путем пожалований княжеской властью

* Мазуров Алексей Борисович, доктор исторических наук, профессор, ректор Московского государственного областного социально-гуманитарного института.

вотчин и поместий своим приближенным¹³. Очевидно, что основатель рода Яков Шерофедин был также сыном боярским, получившим от великого князя какие-то пожалования в Коломенском уезде¹⁴, вероятно село Гололобово, расположенное недалеко от Коломны в Большом Микулинском стане¹⁵. Сыновья Якова и его внук Василий унаследовали положение родоначальника.

Спустя 6 лет после первого упоминания, 20 января 1516 г., Василий Борисович послушествовал при оформлении грамоты в Каширском уезде¹⁶. В 1529 г. он находился на государственной службе Василия III в качестве помощника писца. Вместе с писцом Ф.И. Волынским, подьячими Г. Сидоровым и С. Тороповым он рассматривал в Рязанской земле дело между Покровской пустынью и рязанским землевладельцем И.В. Селивановым¹⁷. Те же самые должностные лица решали спор и проводили дело между землями дворцового села Микуличи и землей Муромо-рязанского епископа¹⁸. Василий Борисович Шерофединов упоминается в 4 актовых источниках (1509, 1516 и 1529 гг.). Сохранилось также надгробие с точной датой его кончины. В 1970-х гг. в Коломне на территории Спасо-Преображенского монастыря была обнаружена белокаменная надгробная плита со следующей надписью: «Лета 7046, месяца октября въ 8 день преставися рабъ Божий Василей Борисович Шерофединов»¹⁹.

Захоронение Василия Борисовича в Спасском монастыре неслучайно. Очевидно, у Шерофединовых уже в начале XVI в. были прочные связи с этой древнейшей коломенской обителью²⁰. Не случайно потомки Василия Борисовича давали в монастырь богатые вклады. Согласно писцовой книге по Коломне 1577/78 г., Шерофединовы (Иван, Семен и, особенно, Андрей Васильевичи) вложили сюда иконное золото, жемчуг и драгоценные камни, иконы, в том числе в золотых и серебряных окладах; паникадило медное большое, церковные облачения (ризы из камки и атласа с золотым и серебряным шитьем), поставную и большую восковую свечи, а также большой благовестный колокол. Но наиболее ценными были их земельные вклады – луг в Большом Микулине стане, сельцо Алексеевское, сельцо Михеевское, деревня Семеновское²¹. Эти факты характеризуют Шерофединовых как весьма состоятельных людей.

Продолжение рода Шерофединовых связано именно с потомками Василия Борисовича. У него было 4 сына: Иван, Поздняк, Андрей, и Дмитрий (?). Сыновья В.Б. Шерофединова и вообще представители этого рода поначалу не славились высоким положением даже среди провинциальных дворян. В Дворовую тетрадь 1552–1554 гг. попал лишь один из Шерофединовых, правнук Василия Борисовича – Афанасий (Афоня) Петров Шерофединов²² (в качестве дворового сына боярского по Москве). Афоня был сыном Петра Ивановича, и, судя по именованию, был в это время сравнительно молодым человеком. Лишь постепенно некоторые из Шерофединовых за счет личной выслуги начали подниматься по службе.

Среди сыновей Василия Борисовича раньше всех в источниках, в 1542 г., упоминается Иван Васильевич. Выясняется, что в годы боярского правления в малолетство Ивана Грозного он был недельщиком в Коломенском и Каширском уездах. Неделщик (название происходит от специальных списков-рописей со сроками и местами службы, «недель») – судебный пристав, представлявший государственную власть. Неделщики допрашивали преступников и сообщали их показания вышестоящему суду, получали пошлины. С. Герберштейн считал их «людьми благородными»²³. Во время конфликта Троицкого Белопесочного монастыря и посадских людей города Каширы И.В. Шерофединову вместе с другим недельщиком А. Бухариным 22 сентября 1542 г. было велено «обыскивать» монастырскую мельницу на р. Каширке под городом²⁴. В 1556 г. он числился вотчинником Коломенского уезда²⁵. Карьера Ивана Васильевича шла в гору. 22 декабря 1563 г. он направился послом в Ногайскую Орду к Аксанак-мирзе²⁶ и вернулся назад в 1564 г. В следующем 1565 г. он вновь уехал послом в Ногай²⁷. По косвенным данным можно полагать, что Иван родился ориентировочно в 1510-х гг. У Ивана Васильевича было 4 сына: Петр–Андрей, Александр, Михаил–Молчан и Иван.

Второй сын Ивана, Александр, вырвался из общей массы служилых людей уездных корпораций и стал выборным дворянином по Коломне. Выборное дворянство представляло собой наиболее заслуженную и авторитетную часть уездного общества (в XVII в. в Коломенском уезде служило около 250 дворян и детей боярских, до 10–15% из них могли служить по выбору). Александр погиб в 1571 г. во время набега крымского хана Девлет-Гирея²⁸. Старший сын Ивана – Петр–Андрей (Андрей – молитвенное имя, на это указывает вкладная книга Троице-Сергиева монастыря)²⁹ сделал блестящую карьеру. Впервые его имя в источниках фиксируется в середине XVI в. 1 марта 1550 г. Петр–Андрей Иванович дал вкладом в Троицкий монастырь 50 руб.³⁰ Эта стандартная для поминания в обители преп. Сергия сумма была целым состоянием для обычного сына боярского. Уже к 1555 г. он стал московским дьяком, а до того скорее всего служил в подьячих. Как показал Д.В. Лисейцев, до 90% дьяков были дворянами, причем большинство из них (около 65%) начинали службу подьячими³¹. Дьяками называли крупных чиновников центрального аппарата управления, пользовавшихся большим влиянием на государственные дела. По понятиям того времени, приказная работа не была престижной, однако это компенсировалось высокими денежными окладами (в начале XVII в. он составлял 50–80 руб., затем по служебным заслугам мог быть повышен) и перспективой служебного роста. Петру Шереметину в то время было около 35–40 лет. Впервые отпрыск малоизвестного, если не захудалого рода достиг таких высот. Он вошел в политическую элиту своего времени. Сохранились (в изложении) 2 акта, скрепленных дьяком Петром Ивановичем – правые грамоты, датированные 3 февраля 1557 г. и 4 октября 1558 г.³²

Для средневековой эпохи характерна огромная роль личных, родственных и клиентарных связей. Разумеется, П.И. Шереметин, поднявшись по служебной лестнице, начал по мере возможностей продвигать своих сородичей. Не случайно в 1555 г. его сын, довольно молодой человек, Афанасий (Афоня) стал дворовым сыном боярским. Позднее Петр–Андрей несомненно способствовал привлечению к посольской службе своего отца Ивана и возвышению своего, как можно думать, более молодого по возрасту дяди Андрея Васильевича. В 1566 г. Петр Иванович участвовал в заседаниях Земского собора. На Соборе земская оппозиция составила челобитную Ивану Грозному об отмене опричнины. Среди вероятных «земцев», подписавших ее, был, по реконструкции Р.Г. Скрынникова, и дьяк П.И. Шереметин. Это предопределило судьбу лично его и ближайших сородичей: данную ветвь рода постигла катастрофа во время опричных репрессий. По делу виднейшего боярина И.П. Федорова (часть его вотчин располагалась в Коломенском уезде) после 22 марта 1568 г. погиб дьяк Петр Иванович Шереметин, а около 6 июля 1568 г. были «отделаны» его сын Афанасий и брат Молчан (Михаил)³³.

Четвертый сын И.В. Шереметина, Иван Иванович, известен по Коломенской десятне 1577 г. Он имел земельный оклад в 300 четей и в том году получил жалованье в 14 руб. На службу он явился «на коне, в пансыре, в шеломе, в саадаке, в сабле, да за ним три человека на конех, в пасырах, в шапках в железных, в саадаках, в саблех... (да три? – А.М.) коня просты, да человек на мерине с юком»³⁴. На исходе Ливонской войны он принимал участие в обороне Пскова от войск Стефана Батория, за что получил «придачу» к окладу в 100 четей³⁵. Иван Иванович был жив еще в самом конце XVI в.³⁶ Второй сын Василия Борисовича Шереметина Поздняк скончался, вероятно, в раннем возрасте. Его служебная деятельность по письменным источникам не прослеживается. Единственное упоминание, которое удалось обнаружить, присутствие его в качестве послуха 28 мая 1554 г. на докладе и при купчей по поводу поземельной сделки в Рязанском уезде³⁷.

Наибольшую известность приобрел третий сын Василия Борисовича – Андрей. Около 40 лет он принимал активное участие в политической жизни Московского царства. На свет Андрей появился не позднее 1537 г. (ориентировочно, в конце 1520-х или в первой половине 1530-х гг.). Его более удачливый племянник, государев дьяк Петр Иванович, поспособствовал продвижению Андрея по службе. Первоначально таланты

Андрея проявились на дипломатическом поприще. Дипломатическая служба была не престижной у русских дворян. Те, кто служил по «посольскому делу», имели больше возможностей для карьерного роста и привилегии (повышение статуса, назначение на должность, освобождение от налогов, увеличение оклада). Первое ответственное поручение Андрей получил как гонец в Швецию в 1568–1569 гг.³⁸ Он прибыл в ранге «царева и великого князя гонца» в Стокгольм 4 сентября 1568 г. Обстоятельства этой миссии были очень непростыми из-за острой борьбы за трон в самой Швеции. Представители шведской стороны не дали гонцу возможности обсудить ситуацию с находившимися уже на месте русскими послами. 5 сентября «на улице» Шерефединов наконец воссоединился с соотечественниками для приема у короля Эрика XIV. Гонец от имени царя Ивана Грозного «правил поклон» и подал царское послание, после чего был допущен поцеловать руку шведского монарха, находившегося на троне последние дни. До получения ответа послы и гонец расположились на посольском подворье вместе. 27 сентября русские послы получили дары от короля, в том числе один кубок на двоих (вместе с послом И.В. Лапиным-Курганом) получил и Андрей Шерефединов³⁹. В Стокгольме в 1568 г. русское посольство попало в жернова внутривосточной борьбы. Уже 29 сентября столица Швеции была взята другим претендентом на престол Юханом III. Послы были ограблены, корабли их разорены, а вся делегация, включая и Шерефедина, была арестована и отправлена в г. Або⁴⁰. Ситуация в Швеции была принципиально важной для России ввиду продолжавшейся Ливонской войны. Шерефединов был первым, кто принес Ивану Грозному важнейшие вести о государственном перевороте в королевстве и о судьбе русских послов. 7 июня 1569 г. он был отпущен из Або с грамотой от послов и 13 июля прибыл «скорою гоньбою» в Москву. Сохранился его рассказ о «шведской эпопее»⁴¹. Андрей Шерефединов полагал, со слов простых шведов, что борьба за шведский престол была комедией («оманкою»), разыгранной родственниками Эриком XIV и Юханом III для того, чтобы одурачить русских послов и не выполнять прежде взятых Швецией обязательств по договору с Россией. Именно в таком ключе был проинформирован о событиях в Швеции Иван IV.

Ранг первого служебного поручения Шерефедина (гонец) был невелик. В иерархии Посольского приказа дипломатический статус гонца занимал среднее положение. Однако дипломатический опыт А.В. Шерефедина очень пригодился впоследствии. В январе 1570 г. его с ответственным поручением пристава направили в Смоленск. Он должен был сопровождать оттуда до Москвы послов Речи Посполитой и выдавать им корм, обеспечить изоляцию посольства и разузнать его цели и задачи. Ему вменялось в обязанность встретить послов речью⁴². Однако это поручение пристав выполнил плохо. В Вязме у члена польского посольства украли серебряную саблю, в то время как делегацию охраняли 2 «подворника» (люди на дворе. – А.М.) и 6 сторожей под началом пристава Шерефедина. Были и другие покражи⁴³. В Посольском приказе решили заменить пристава. В феврале 1570 г. «корм литовским послам велел государь давать добру сыну боярскому, лутче Ондreja Шерефедина. И по государеву приказу послан на Ондреево место Шерефедина Илья Дубенской (из рода коломенских дворян. – А.М.), а Андрею велено к Москве ехать»⁴⁴. Здесь интересно указание на то, что Шерефединов поначалу не относился к «добрым» (заслуженным, известным, состоятельным) детям боярским. Для него это был явный провал и, в определенной мере, «бесчестье», поскольку род его был унижен. Однако конфуз начала 1570 г. в течение примерно полутора лет был заглажен и искуплен, ибо вскоре Андрей Васильевич получил крупное повышение по службе – не позднее декабря 1571 г. он был пожалован в дьяки.

Большую роль в его карьере сыграло опричное время. После летних казней 1570 г. в приказах открылось множество новых вакансий и возможностей для продвижения. На рубеже 1560–1570-х гг. произошла смена руководства опричниной, на первый план выдвинулись люди «новые и худородные» (Г.Л. Скуратов-Бельский, В.Г. Грязной и др.). Открывшиеся перспективы в полной мере использовал Шерефединов. В то время как одни заметные представители рода Шерефединовых (дьяк и выборные дворяне)

сгинули в эксцессах опричного времени, другой его отпрыск начал восхождение наверх к самому подножию престола российского самодержца.

Впервые в качестве дьяка Андрей Васильевич упоминается в начале 1572 г., когда готовился поход Ивана IV в Великий Новгород и на шведов. Положение Шереметина в дьяческой среде было поначалу не очень видным: Андрей упоминается лишь на седьмом месте во втором списке дьяков⁴⁵. Весной того же года, когда царь выступил в поход, ему было велено в числе 25 дьяков остаться в Москве. А.В. Шереметин стоял в росписи на 18 месте, служил он в то время, вероятно, в приказе Казанского дворца⁴⁶. Документальные свидетельства о службе дьяка за 1570-е гг. очень подробны. В 1572 г. он состоял в опричном дворе Ивана Грозного⁴⁷, а после ликвидации опричнины вошел в состав «дворовых» (членов личного окружения царя). В 1574 г. упоминается как «дьяк разряда дворового», в качестве которого 6 декабря он подписал невместную грамоту⁴⁸. Служба в дворовом Разрядном приказе расширила возможности Шереметина. Он ведал чинопроизводством, постройкой городов и крепостей, решениями о посылке на службу, размере жалованья, должностях и прибавке к окладу. Это не замедлило сказаться на благосостоянии дьяка. 4 июля 1574 г. он сделал вклад (50 руб.) в Троице-Сергиев монастырь⁴⁹. По достижении определенного уровня богатства делом чести и престижа было заказать поминания в первенствующей среди русских монастырей обители. Здесь Андрей шел по стопам своего племянника Петра-Андрея, сделавшего такой же вклад на 20 лет раньше. В этом же году дьяк Андрей Васильев (так его еще именовали по отцу)⁵⁰ служил в Казанском дворце. Д.В. Лисейцев полагает, что он служил в дворовом Разрядном приказе до 1579/80 г.⁵¹ Сохранились акты, которые позволяют более точно говорить о местах службы этого дьяка в 1574–1577 гг. Это ввозные, указные и послушные грамоты, которые подписал А.В. Шереметин как дьяк Поместной избы, датирующиеся сентябрем, октябрем 1574 г., маем и июнем 1575 г., февралем, мартом и маем 1577 г.⁵² 20 июня 1575 г. дьяку (очевидно, дворовой Поместной избы) Шереметину была подана память с пересказом духовной грамоты А. Талызина конца XV в. и купчей конца XV – начала XVI в. по Муромскому уезду⁵³. 4 августа 1574 г. он заверил указную грамоту Ивана IV на пожалование в Рязанской земле⁵⁴, 6 февраля 1575 г. «ведал» дворовый Разряд, в июне того же года – Поместную избы⁵⁵. Для этого же времени имеется свидетельство указной грамоты Ивана IV на Двину о сборе всех податей и доставке их в Москву, в четверть к дьяку А.В. Шереметину⁵⁶. Из этого следует, что Шереметин был еще и дьяком четвертного Двинского приказа. В его руки стекались большие финансовые средства с очень богатой территории. Как показал Лисейцев, в действительности четвертные приказы не были отдельными учреждениями, а являлись ведомствами дьяков Разрядного приказа или приказа дворового Большого прихода⁵⁷. В 1576 г. Андрей как первый разрядный дьяк (т.е. глава приказа) судил совместно с боярином кн. И.П. Шуйским местническое дело В. Зюзина и окольничего Ф. Нагого. Н.П. Лихачев в свое время отметил своеобразное «товарищество» судей, отраженное в формуляре этого дела: «И боярин князь Иван Петрович да дьяк Ондрей Шереметинов спросили (ответчиков. – А.М.)»⁵⁸. Это судное дело дьяк и скрепил⁵⁹. В ноябре 1576 г. он продолжал исполнять обязанности дьяка четвертного Двинского приказа, собирал «кормленный окуп» в Двинской земле⁶⁰. Эти обязанности сохранялись за ним вплоть до конца 1577 г. 30 декабря 1576 г. он, очевидно, как дьяк дворовой Поместной избы, подписал жалованную грамоту Ивана IV Кирилло-Белозерскому монастырю на села в Дмитровском уезде⁶¹. 9 марта 1577 г. заверил царскую жалованную грамоту тому же монастырю на вотчины в уездах «дворовых городов»⁶². Принципиально важно, что такую же грамоту, но на уезды других (очевидно, «земских») городов с разницей в 3 дня (11 марта) подписал дьяк С. Лихачев. 17 декабря Шереметин заверил жалованную грамоту Спасо-Хутыньскому монастырю на сбор тамги⁶³. 27 июня 1579 г. он оформил грамоту Ивана IV игумену Кириллу-Белозерского монастыря на владение в Новгороде Великом⁶⁴. Поземельные вопросы дьяк курировал и позднее. Так, 29 апреля 1581 г. «свой дьяк» Ивана Грозного Шереметин составил выписку с приписью для

властей Троице-Сергиева монастыря, которые вели судебный процесс в Переславль-Залесском уезде, и послал государеву грамоту в Переславль⁶⁵.

Через несколько лет после пожалования в дьяки Иван Грозный стал приближать к себе оборотистого чиновника. Так, в декабре 1574 г. Андрей Васильевич сопровождал монарха во время его паломничества в Троице-Сергиев монастырь⁶⁶. Через некоторое время, 28 апреля 1576 г., во время похода Ивана IV в Калугу А.В. Шерепединов впервые возглавил перечень взятых царем с собой дьяков⁶⁷. П.А. Садилов обоснованно считал, что в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича Андрей Васильевич был думным дьяком в «государевом уделе» князя Ивана Московского⁶⁸. В 1577 г., согласно росписи государева полка, Шерепединов вместе с другими 11 дьяками принял участие в ливонском походе Ивана Грозного, занимая уже второе место среди 4 дворовых дьяков⁶⁹. Теперь в разрядных записях он либо возглавлял дьяческий корпус, либо шел на одном из первых мест. Летом 1579 г. во время царского похода «на немец и Литву» Шерепединов вновь возглавил список из 15 дьяков⁷⁰. В походе Ивана IV на Стефана Батория в Новгороде он был третьим дьяком из 8⁷¹. Осенью 1579 г. ему было велено быть с государем, и Андрей Васильевич возглавил список из 12 дьяков⁷². 15 апреля 1581 г. в государевом полку – он на третьем месте из 7 ближних дьяков⁷³. В начале 1580-х гг. продолжалась деятельность Шерепединова как разрядного дьяка. В 1581 г. он сделал запись о местническом деле кн. Д. Ростовского и кн. И. Туренина⁷⁴. В июне 1582 г. коллегия из самых высокопоставленных лиц – бояр князей И.Ф. Мстиславского, Ф.М. Трубецкого и Н.Р. Юрьева, «своих» для царя дьяков А. Щелкалова (главы Посольского приказа) и А.В. Шерепединова судила местническое дело приставов у великого польского посла А. Крюкова и А. Измайлова⁷⁵. Показательно, к кругу каких людей стал причастен выходец из незнатного коломенского рода.

Шерепединов имел опыт службы во всех ключевых ведомствах Российского государства: Посольском, Разрядном и Поместном приказах, а также в приказе Казанского дворца, причем для 1570-х гг. имеются достоверные данные о совмещении им службы в нескольких приказах. Так, с 6 декабря 1574 г. по 9 марта 1577 г. и в 1581 г. он был дьяком дворового Разрядного приказа. Одновременно в 1574–1577 гг. служил в дворовой Поместной избе, а в 1576–1577 гг. был дьяком Четвертного Двинского приказа⁷⁶. Препоручение целого ряда должностей было показателем влиятельности государственного деятеля и приносило значительный материальный доход.

В 1581 г., после смерти сына Ивана царь Иван Грозный переселился жить в Александрову Слободу. Как показал Б.Н. Морозов, в 1581 г. в Слободу действовал дворовый Судный приказ и нечто вроде отделения Посольского приказа во главе с дьяком А.В. Шерепединовым⁷⁷. Фактически это означает, что дьяк превратился в личного секретаря монарха, через него осуществлялась связь с другими государственными учреждениями.

Как было показано выше, род Шерепединовых был тесно связан с Коломенским и Рязанским уездами, где находились их земельные владения. Согласно писцовой книге по Коломне 1577/78 г., дьяк Андрей Шерепединов имел здесь 2 городских двора. Один из них был родовым и располагался в северной части коломенского Кремля (близ Москвы-реки), непосредственно у городской стены. Другой двор в переулке недалеко от Водяных ворот (в северо-восточном углу Кремля) Андрей Васильевич приобрел у гостя Богдана Микулина⁷⁸. Располагалось это владение недалеко от родового гнезда Шерепединовых, потому московский дьяк и решил его приобрести. Дворник (человек, присматривавший за двором) Шерепединова Степанко Авдеев имел лавку в Ветошном ряду. Дворник другого двора, Сергей Семенов, владел половиной лавки в Малом Щепетинном ряду⁷⁹. Как видим, даже зависимые от дьяка люди жили неплохо. На речке Коломенке А.В. Шерепединов приобрел вотчину И.Н. Дубенского (того самого «доброего сына боярского», который «переселил» его в качестве пристава к польскому посольству в 1570 г.) – с. Павлево и д. Ляхову. Дьяк имел владения также в Московском и других уездах⁸⁰, у него был двор и в Москве.

Временами А.В. Шерепедеинов получал и дипломатические поручения. В июне 1577 г. он и дьяк В. Щелкалов отпускали назад «гончика» (молодого гонца-латыша) с ответной грамотой к шведскому королю Юхану⁸¹. В августе 1578 г. Шерепедеинов принимал участие в переговорах с датскими послами. В 1580 г. он вновь первый разрядный дьяк (как показал Н.П. Лихачев, их часто меняли на этом посту). По приказу царя ему было велено записать в разряд местническое дело Р.Д. Бутурлина и В.В. Головина⁸². Во время приезда папского посланника Антонио Поссевино, который был посредником в переговорах с Речью Посполитой и пытался убедить царя воссоединить католичество и православие, дьяк участвовал в церемониях его приемов. 20 августа 1580 г. в Старице он вместе с другими встречал нунция «посредине большой лестницы, как он шел к государю» и провожал его обратно во время первой аудиенции у Ивана Грозного. Затем Андрей провожал легата к столу и обратно. В феврале вместе с двумя думными дворянами уже в Москве дьяк встречал А. Поссевино у сеней и провожал «в избу к государю», а затем сопровождал к столу. В марте во время торжественного приема посла царем А. Шерепедеинов и казначей П.И. Головин встречали его на верхнем крыльце государева дворца⁸³. В 1583 г. в очередном царском походе он был на втором месте (среди 5 дьяков)⁸⁴. Таким образом, пик служебной карьеры государева дьяка пришелся на 1579–1583 гг.

Незадолго до смерти Ивана Грозного в Московском Кремле встречали английского посла. 7 февраля 1584 г. на «первую встречу» явились с русской стороны 2 дьяка – А. Шерепедеинов и Д. Петелин. В то время они служили в Большом приходе. Во «второй встрече» (более важной) дьяков представляли более высокопоставленные руководители Разрядного приказа – думный дьяк В. Щелкалов и И. Стрешнев⁸⁵. В том же 1584 г., незадолго до краха своей дьяческой карьеры (возможно, даже в период нахождения под следствием), Шерепедеинов осуществлял денежные раздачи помещикам в Кашире⁸⁶.

Неожиданно после февраля 1584 г. имя А.В. Шерепедеинова надолго пропало из разрядных книг. Что же произошло? Высокое положение Андрея Васильевича подвигло его на аферы. Дочь Андрея вышла замуж за другого крупного чиновника – дьяка Родиона Петровича Биркина, спальника и фаворита Ивана Грозного в последние годы его жизни. О других детях Андрея Васильевича ничего неизвестно, лишь в писцовой книге по Коломне 1577/78 г. говорится о некоем умершем к тому времени Семене Андрееве сыне Руднева Шерепедеинова. Перед смертью последний составил ряд вкладных грамот в коломенский Спасский монастырь: на луг у р. Оки, на д. Семеновскую на р. Велье, д. Алексеевское-Фомино на р. Грязке в Большом Микулине стане Коломенского уезда⁸⁷. Вероятно, это Семен – рано умерший женатый, но не имевший мужского потомства сын Андрея Васильевича Шерепедеинова, получивший от отца часть земельных владений. Отчество «Андреев сын Руднева» позволяет предположить, что дьяк Андрей Васильевич имел прозвище Рудня⁸⁸.

Как бы то ни было, к 1580-м гг. у Андрея Васильевича имелась только дочь. Все его заботы были направлены на материальное обеспечение семьи своей дочери и зятя. Дьяки А.В. Шерепедеинов и Р.П. Биркин оказались замешаны в скандальном деле о подлоге документов на крупное земельное владение в Рязанском уезде. Они пытались путем фальсификации документов завладеть родовым селом дворян Шиловских – Шиловым, а у Иова Запольского отнять село Вырково⁸⁹. В селе Шилово на Оке близ Старой Рязани числилось 400 четей «доброй» пашни. К селу тянули богатые окские луга, где ставилась почти 1 тыс. копен сена, рыбные заводы и перевесья. Вдобавок ко всему здесь взимался мыт (торговая пошлина) с проплывавших судов. Половина с. Шилова была в поместьях, а половиной владели по долям размножившиеся представители рода Шиловских (измельчавшие представители рода рязанских бояр XIV–XV вв.). Дьяки Р.П. Биркин и А.В. Шерепедеинов задумали и осуществили следующую многоходовую комбинацию. На имя Биркина была изготовлена подложная купчая у Шиловских на все (в том числе и поместную часть, что означало прямое присвоение части казенного земельного фонда) с. Шилово. Для этого послухами стали близкие дьякам люди, в том

числе представитель очень заметного в Рязанской земле рода Ляпуновых, а саму грамоту засвидетельствовал находившийся «в воровстве» духовный лжеотец Шиловских, беглый поп, попавшийся на сбыте ворованного имущества. Часть Шиловских умерла, часть томила в плену, кто-то бежал на Дон к казакам. В 1582/83 г. Шерефединов стал «вымучивать» у единственного оставшегося в живых сына боярского Тимофея Шиловского подпись на эту подложную купчую, для чего последнего даже доставили в оковах (якобы как «нетчика», т.е. не явившегося на военную службу) в Москву. С. Шилово было отписано, и как родич Биркина во владение вступил Шерефединов. В том же с. Шилове дьяк присвоил право сбора мытной пошлины, чем задел интерес Воскресенского Терехова монастыря, обладавшего этим правом ранее.

После смерти Ивана IV влияние Биркина и Шерефединова упало и об их аванюре стало известно. Шиловский наконец добился, чтобы его челобитная на действия «сильных» московских людей получила ход. Вскоре после «мятежа» Богдана Бельского Андрей Васильевич был обвинен в злоупотреблениях и грабеже в пользу своего зятя⁹⁰. Само обвинение, несомненно справедливое, было связано, вероятно, с пошатнувшимся положением «особого двора» почившего царя. Поражение Бельского означало падение «дворовой» правящей группировки, в которой дьяк А.В. Шерефединов играл заметную роль. Удаление любимца Ивана Грозного от дел было обставлено судебными декорациями. В июне–июле 1584 г. иск Тимофея Шиловского был рассмотрен в Москве, и Шерефединов проиграл его. В пользу Т. Шиловского он должен был выплатить компенсацию за пользование чужим владением – по полтора рубля с выти. Главный судья, боярин кн. Василий Иванович Шуйский, постановил доложить о деле самому царю Федору Ивановичу. Очевидно, по решению Боярской думы Шерефединов и Биркин лишились своих должностей. В отдельное судебное делопроизводство была выделена челобитная властей Терехова монастыря. Игумен жаловался, что дьяк мытом «завладел насильством и в купчую написал». Та же самая судебная коллегия постановила возратить мыт прежнему владельцу и обязала А.В. Шерефединова заплатить монастырю незаконно полученную годовую сумму мыта в 15 руб.⁹¹

К концу лета 1584 г. дьяческая карьера А.В. Шерефединова закончилась. Он был извергнут из московского дьяческого сословия в среду провинциального дворянства. В Боярском списке 1588/89 г. его имени нет даже среди выборных по Коломне⁹². Всесильный любимец Ивана IV возвратился туда же, откуда началось его возвышение. Несколько более мягкое решение было вынесено в отношении Р.П. Биркина. Он стал выборным дворянином по Рязани с окладом в 550 четей⁹³. Вероятно, А.В. Шерефединов трудно переносил свою фактическую опалу и надеялся если не на восстановление, то на определенную поправку своего служебного положения. Надежды эти были небеспочвенны. Бывшему дьяку помогли его связи, которыми он обзавелся в московский период своей карьеры. Через некоторое время (не позднее 1594 г.) статус Шерефединова был повышен. Думать так позволяет один служебный эпизод. В 1594 г. он в составе комиссии из 4 человек раздавал деньги за службу и верстал новиков в Кашире. В перечне членов комиссии Андрей Шерефединов идет третьим, в то время как городской дьяк – четвертым⁹⁴. Все это позволяет думать, что к 1594 г. (через 10 лет после своей опалы) Андрей Васильевич стал уже выборным дворянином по Коломне. Действительно, в Боярском списке 1598/99 г. он записан именно в этом чине⁹⁵. В разрядных книгах, наконец, появилась запись о новой государевой службе А.В. Шерефединова. Во время Серпуховского похода царя Бориса Годунова против татар весной 1598 г. были назначены дворяне, которым надлежало организовать сторожевую службу «на берегу» (т.е. по Оке). Среди 21 сторожевого головы оказался и Шерефединов⁹⁶.

Андрей Васильевич надеялся на более значительный подъем. Разрядные назначения для него теперь стали регулярными. Источники сообщают, что в 1600–1603 гг. А.В. Шерефединов, оставаясь выборным дворянином по Коломне, имел солидный земельный оклад в 600 четей земли и был послан на заставу в Царицын⁹⁷. Здесь он служил на годовой службе в качестве головы с воеводой В. Овцыным (соответствующие записи в разрядной книге относятся к 1 сентября 1600 г. и маю 1602 г.)⁹⁸. В 1604 г.

Шерефединов верстал дворян в Коломне⁹⁹ и в Переславле Рязанском¹⁰⁰. В том же году в Арзамасе и Нижнем Новгороде он раздавал деньги за службу и верстал новиков¹⁰¹. Однако все эти службы мало соответствовали его прежнему должностному статусу государева дьяка и амбициям.

Андрей Васильевич решил использовать события Смуты для того, чтобы исправить свое незавидное положение. Он развернул небывалую активность, хотя ему было уже не меньше 70 лет. Шерефединов оказался среди тех немногих реальных фигур Смуты, о ком дошли отзывы иностранцев и авторов исторических сочинений. Как и многие, поначалу он принял сторону Лжедмитрия I и активно содействовал его утверждению на престоле. 10 июня 1605 г. по приказанию присягнувших Лжедмитрию I бояр П.Ф. Басманова, князей В.В. Голицына и В.М. Рубца Мосальского он вместе с дворянином М.А. Молчановым расправился с семьей скончавшегося царя Бориса Годунова. Царицу Марию Годунову и Федора Борисовича они развели по разным хоромам и удавили веревками, а дочь Ксению оставили живой (ее потом сделали наложницей Лжедмитрия I и насильно постригли в монахини)¹⁰². Исаак Масса приписал убийство Федора Борисовича именно Шерефединову¹⁰³. Как исполнитель весьма шекотливого и темного дела Шерефединов мог рассчитывать на особую милость Лжедмитрия I. Однако серьезного карьерного роста не последовало. В окружении самозванца он не получил никакого заметного поста. Вероятно, Лжедмитрию I не хотелось иметь столь одиозную фигуру в своем окружении. Все это могло вызвать серьезную обиду и недовольство Андрея Васильевича на нового царя и в конечном итоге привело его в лагерь заговорщиков.

После воцарения и нескольких месяцев правления против Лжедмитрия I поднялась недовольная московская знать. 8 января 1606 г. Андрей Шерефединов во время подготовленного князем и боярином Василием Шуйским заговора против Лжедмитрия I вызвался убить самозванного царя¹⁰⁴. Заговорщики с группой сторонников проникли через все стрелецкие караулы в кремлевский дворец к самой его спальне. Во дворце поднялась суматоха, страже удалось арестовать трех человек, но те ни в чем не признались и были казнены. Вскоре после этого Андрей Шерефединов был арестован. Исаак Масса утверждал, что тот, подкупленный боярами, 8 января 1606 г. готовил убийство царя. Начальник дворцовой стражи Яков Маржерет писал, что был схвачен некий «секретарь» (так иноземцы именовали дьяков), который подвергался пыткам, но ни в чем не сознался и не выдал главу заговора (им был сам будущий царь Василий Шуйский)¹⁰⁵. Р.Г. Скрынников идентифицировал этого анонимного дьяка с А.В. Шерефединовым¹⁰⁶, однако В.Д. Назаров скептически отнесся к данному предположению. По его обоснованному заключению, Шерефединов и дьяк («секретарь») разные люди¹⁰⁷. В самом деле, кроме туманных известий иностранцев ни один источник периода Смуты (ни акты, ни делопроизводственные документы, ни нарративные источники), не дает прямых свидетельств о повторном пожаловании А.В. Шерефединова в дьяки. Дело против Андрея Шерефединова за отсутствием улик было прекращено, а сам он отправился в ссылку¹⁰⁸.

Казалось бы, воцарение Василия Шуйского должно было способствовать новой милости правительства. Она действительно последовала. Согласно Боярскому списку 1606/07 г., А.В. Шерефединов перешел в новый и более высокий статус – из выборных городовых он стал московским дворянином¹⁰⁹. Это был пик его служебной карьеры. Однако новый царь знал, с каким прожженным авантюристом он имеет дело. Неожиданно вместо ожидаемого фавора Андрею Васильевичу были предъявлены тягчайшие обвинения. В 1607 г. А.В. Шерефединов находился под арестом, вероятно, по обвинению в убийстве жены и сына Б.Ф. Годунова¹¹⁰. В Боярском списке 1606/07 г. напротив его имени имеется помета «У прис[тава]. На Москве»¹¹¹. Часть его вотчин была конфискована¹¹², скорее всего, это произошло в период нахождения его под следствием, в 1606–1607 гг.

Однако Андрею Васильевичу вновь удалось выпутаться из тяжелой истории. Последний раз его имя упоминается в перечне московских дворян Боярского списка

1610/11 г.¹¹³ Он находился на государственной службе в г. Зубцове (недалеко от Твери), напротив его имени имеется характерная помета: «болен». Не исключено, что от болезни находившийся в чрезвычайно преклонном возрасте московский дворянин уже не оправился и вскоре скончался. А.В. Шереметев, несмотря на все сложности эпохи, в которую ему довелось действовать, был долгожителем. Место его погребения неизвестно.

Судя по писцовой книге города Коломны и уезда 1577/78 г., род Шереметевых владел вотчинами в Комаревском (с. Ненашево с селцом Старым и д. Людичной) и Большом Микулине (старая вотчина с. Гололобово, Ондрюково, Корюшино тож, Павлево, Ляхово, д. Семеновская на р. Велье с д. Алексеевское-Фомино на р. Грязке, д. Михеевская) станах Коломенского уезда. У местного землевладельца Ивана Боканина Шереметевы приобрели д. Брюхатовскую. Имели они и поместья, которые также располагались в Большом Микулине стане: д. Белково (Бельково?) на р. Бешенке, половина селца Юренева и д. Жуково на р. Коломенке, селцо Козье и д. Шеино)¹¹⁴. В целом в третьей четверти XVI в. Шереметевы сосредоточили в своих руках почти 3 600 четвертей (1970 га) угодий в Коломенском уезде¹¹⁵. Конечно, А.В. Шереметев не был столь богат, как дьяк И.М. Висковатый. И. Граля подсчитал, что у последнего было 3 села, 4 селца, 47 деревень, 1 починок и 1 пустошь (в том числе в вотчине 2 села, 2 селца и 37 деревень). Всего же у него только пашни насчитывалось 3 700 четвертей¹¹⁶. С.В. Рождественский выяснил, что дьяк Андрей Васильевич владел 1 225 четьми земли (почти 700 га)¹¹⁷, что в несколько раз превосходило типичный для дворян и детей боярских оклад 200–400 четвертей «в одном поле» (всего 600–1200 четвертей).

Последующая судьба рода Шереметевых прослеживается по коломенским писцовым книгам XVII – начала XVIII в. В первой четверти XVII в. имел наибольшую известность правнук Василия Борисовича Андрей Иванович Шереметев. Первое ответственное задание Андрей Иванович получил при содействии своих сородичей в Посольском приказе в декабре 1566 – январе 1567 г. Ему поручили оповестить (в ранге гонца) правительство Великого княжества Литовского о задержке прибытия великого московского посольства из-за морового поветрия¹¹⁸. С государевой грамотой он поехал в Полоцк и Витебск. В посольской книге он именуется «своим парубком (т.е. юношей, молодым человеком. – А.М.)» Ивана Грозного, что подтверждается и именованием: «Ондрейца Иванов сын Шереметев». Исходя из этого, можно думать, что А.И. Шереметев родился около 1550 г. Затем его имя надолго исчезло из источников и появилось на исторической сцене лишь в Смутное время. В Боярском списке 1606/07 г. он упоминается в составе выборных из городов дворян по Коломне с большим окладом 550 четьей¹¹⁹. В 1610/11 г. его оклад оставался прежним¹²⁰. В 1618 г. он принимал участие в обороне столицы от войск королевича Владислава, находился в полку под командованием стольника и воеводы кн. С. Прозоровского у Яузских ворот¹²¹. За «осадное сиденье» он вместе с сыном Дмитрием был пожалован вотчиной. В Боярском списке 1621/22 г. Андрей Иванович стоит в начале перечня выборных дворян по Коломне (второй по счету) с очень солидным окладом в 850 четьей (почти 500 га)¹²². Он упомянут в Боярской книге 1627 г., где фигурирует как самый высокопоставленный (первый по списку) из выбора член уездной дворянской корпорации с тем же окладом¹²³; Андрей Иванович был жив еще в 1627–1629 гг., поскольку упоминается в писцовой книге Коломенского уезда этого времени¹²⁴. Продолжение рода Шереметевых связано с потомками Андрея Ивановича, все остальные ветви пресеклись в годы опричнины и Смуты.

Андрей Иванович как первенствующий член заметной Коломенской уездной дворянской корпорации способствовал продвижению и своих отпрысков. Имеющиеся в Москве связи позволили ему приблизить ко двору сына. В Кормленной книге 1613–1617 гг. упомянут жилец московский Дмитрий Андреев сын Шереметев¹²⁵. Жильцами становились в основном дети выборных дворян, а сами жильцы занимали промежуточное положение между дворянами московскими и выбором из городов (ближе к последним). Они несли придворную службу, участвовали в дворцовых церемониях

и встречах послов, были посыльными от царя, собирали даточных людей, были податными (помощниками) у рынд. Второй сын А.И. Шерefeldинова Гаврила Андреевич упоминается в разборном списке коломенчей 1630/31 г. как неслуживый новик первой статьи по московскому списку с окладом в 25 руб.¹²⁶ Примечательно, что совсем не служивший сын Андрея Ивановича начал свою карьеру не с третьей или второй статьи, а сразу с первой и с повышенным окладом. Третьим сыном А.И. Шерefeldинова был Иов, упоминающийся в 1640–1670-х гг. Своей службой известна не только мужская часть рода Шерefeldиновых. Одна из женщин (скорее всего, незамужняя дочь кого-то из них, вероятней всего, Андрея Ивановича) пошла по духовному пути. Известно, что некая Александра Шерefeldинова была игуменьей Кашинского Сретенского монастыря в 1628 г.¹²⁷

Значительно менее яркие личности из рода Шерefeldиновых жили во второй и последней третях XVII столетия. В писцовой книге Коломны с уездом 1646–1647 гг. перечислены Григорий Гаврилович (известно, что женой его была Авдотья) и его дядя Иов Андреевич, Федор Дмитриевич. Все втроем они владели родовым селом Гололобовым в Большом Микулине стане¹²⁸. По описанию 1677/78 гг. род стал более многочисленным: упомянуты Григорий Гаврилович (примерно в это время известна его дочь Марфа), Петр Иевлевич, Ефрем Федорович, Яков Иевлевич¹²⁹. Владения их располагались исключительно в Коломенском уезде¹³⁰. Все они имели по доле в родовом селе Гололобово (у каждого 1–2 крестьянских двора и от 2 до 7 бобыльских дворов, людей от 20 до 48 человек). Кроме того, П.И. Шерefeldинов владел частью сельца Звенцовские Новоселки, Г.Г. Шерefeldинов имел долю в сельце Шеине, Е.Ф. Шерefeldинову принадлежала часть сельца Михайловского-Бобынина (у всех по 1 крестьянскому или бобыльскому двору). К концу XVII в. Шерefeldиновы превратились в заурядных бедных провинциальных дворян, которые не шли ни в какое сравнение со своими сородичами середины XVI – первой трети XVII в. В документах 1699 г. фигурируют владеющие с. Гололобовым Яков Иевлевич и Ефрем Шерefeldиновы¹³¹. Именно два этих человека подразумеваются в «Ведомости дворянских фамилий», имевших недвижимость с крестьянскими дворами в 1700 г.¹³², где речь идет о двух Шерefeldиновых. Наконец, уже в начальный период Северной войны, согласно писцовой книге 1705–1706 гг., жили Ефрем Федорович, Петр Иевлевич и Яков Иевлевич Шерefeldиновы¹³³.

По ландратской книге Коломенского уезда 1715 г. Шерefeldиновы владели селами Гололобово, Бояркино, сельцом Шеино и новопоселенным сельцом Рышково (все в Большом Микулине стане). Правнуки Андрея Ивановича, Иван и Семен Яковлевичи, имели в вотчине часть с. Бояркино (на их долю приходился господский двор и 3 крестьянских хозяйства) и с. Рышково (господский двор и 1 крестьянское хозяйство). За Иваном Ефремовичем оставалась доля в с. Гололобово, в сельце Шеине у него имелся господский двор, «а в том дворе дворовые деловые люди» (2 мужчины и 2 женщины)¹³⁴. Большая часть родовой вотчины Гололобово к 1715 г. была уже продана. Налицо прогрессирующее измельчание представителей фамилии.

Последний представитель рода Шерefeldиновых упомянут в межевых делах Коломенского уезда начала правления Екатерины II. В 1760–1770-х гг., когда здесь шли землемерные работы, от обширных владений Шерefeldиновых сохранились жалкие остатки. В 1767 г. вдова Катерина Кондратьевна Шерefeldинова в доле с 10 совладельцами (среди которых вдова, ассессорша, 2 поручика и подпоручик, конюх, генеральша, капитан, секретарская жена, купец) распорядилась частью маленького сельца Новоселки¹³⁵. К.К. Шерefeldинова была супругой последнего представителя рассматриваемого здесь рода.

Таким образом, расцвет рода Шерefeldиновых пришелся на середину XVI – первую треть XVII столетия. Двое его представителей несли посольскую службу, а потом стали дьяками – крупными чиновниками, влиявшими на государственные дела. Особенно поражает фигура заметного политического деятеля, пережившего опричнину и Смуту, Андрея Васильевича Шерefeldинова. В первой трети XVII в. Андрей Иванович Шерefeldинов возглавлял уездную коломенскую дворянскую корпорацию. В середине

XVII – начале XVIII в. выдающихся представителей в роду уже не было. В этот период Шерефединовы – коломенские помещики, ничем не выделявшиеся из общей массы служилых людей. К екатерининской эпохе они растеряли все свои земельные владения и сошли с исторической сцены.

Приложение

Родословие Шерефединовых в XV–XVIII вв.

Первое колено

1* Яков Серефядин, основатель рода (вторая четверть – середина XV в.).

Второе колено

1/1 Константин Яковлевич (вторая половина XV в.)

1/2 Василий Яковлевич (вторая половина XV в.)

1/3 Борис Яковлевич (вторая половина XV в.)

Третье колено

1/3/1 Василий Борисович (конец XV – первая треть XVI в. – 1537 г.), сын боярский

Четвертое колено

1/3/1/1 Иван Васильевич (вторая – третья четверть XVI в., упом. в 1542–1565 гг.), недельщик в 1542 г., посол в Ногайскую орду в 1563 и 1565 гг.

1/3/1/2 Поздняк Васильевич (первая половина XVI в., упом. в 1554 г.)

1/3/1/3 Андрей Рудня Третьяк Васильевич (ок. 1530 г. – ок. 1611 г.), сын боярский, дворовый сын боярский, государев дьяк, выборный дворянин по Коломне, московский дворянин

1/3/1/4(?) Дмитрий Васильевич

Пятое колено

1/3/1/1/1 Петр–Андрей Иванович (упом. 1550 г., убит в 1568 г.), дьяк с 1555 г.

1/3/1/1/2 Александр Иванович (погиб в 1571 г. в Москве), выборный дворянин по Коломне

1/3/1/1/3(?) Михаил–Молчан Иванович (убит в 1568 г.)

1/3/1/1/4 Иван Иванович (ок. 1530 г. – 1590-е гг.), коломенский дворянин

1/3/1/3/1 Семен Андреевич (ум. до 1577 г.), коломенский дворянин

1/3/1/3/2 дочь Андрея Васильевича (замужем за дьяком Родионом Петровичем Биркиным)

1/3/1/4/1 Василий Дмитриевич (упом. в 1577/78 г.), коломенский дворянин

1/3/1/4/2 Алексей Дмитриевич (упом. 1590/91 г.), коломенский дворянин

Шестое колено

1/3/1/1/1/1 Афанасий Петрович (ок. 1540 г. – 1568 г.), дворовый сын боярский в 1555 г.

1/3/1/1/4/1 Андрей Иванович (ок. 1550 г. – после 1627 г.), коломенский дворянин, выборный по Коломне

Седьмое колено

1/3/1/1/4/1/1 Дмитрий Андреевич (упом. 1613–1617 гг.), жилец московский

1/3/1/1/4/1/2 Гавриил Андреевич (упом. 1630/31 г.), новик неслужилый первой статьи

1/3/1/1/4/1/3 Иов Андреевич (упом. 1640–1670-е гг.)

Восьмое колено

1/3/1/1/4/1/1/1 Федор Дмитриевич (упом. 1640-е гг.)

1/3/1/1/4/1/2/1 Григорий Гаврилович (упом. 1640–1670-е гг.), известна его жена Авдотья

1/3/1/1/4/1/3/1 Петр Иевлевич (упом. 1670–1700-е гг.)

1/3/1/1/4/1/3/2 Яков Иевлевич (упом. 1670–1700-е гг.)

Девятое колено

1/3/1/1/4/1/1/1/1 Федор Федорович (упом. 1670-е гг.)

1/3/1/1/4/1/1/1/2 Ефрем Федорович (упом. 1700-е гг.)

1/3/1/1/4/1/1/1/3 Ерофей Федорович

1/3/1/1/4/1/2/1/1 Марфа Григорьевна

* Цифровой шифр позволяет легко определить ветвь рода. Например, представитель четвертого колена «1/3/1/3 Андрей Рудня Третьяк» был третьим (последняя цифра шифра) сыном Василия (1/3/1), имел деда Бориса (1/3) и прадеда Якова (1).

1/3/1/1/4/1/3/2/1 Иван Яковлевич (упом. 1715 г.)

1/3/1/1/4/1/3/2/2 Семен Яковлевич (упом. 1715 г.)

Десятое колено

1/3/1/1/4/1/1/1/2/1 Иван Ефремович (упом. 1715 г.)

Примечания

¹ *Граля И.* Иван Михайлович Висковатый: Карьера государственного деятеля в России. СПб., 1994; *Рогожин Н.М.* У государевых дел быть указано... М., 2002. Обобщающий просопографический портрет дьячества Смутного времени см.: *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула, 2009. С. 518–557.

² *Богатырев С.Н.* Клан дьяков Щелкаловых // Историческая генеалогия. (Екатеринбург, Париж). 1995. № 5. *Рогожин Н.М.* У государевых дел быть указано...

³ Упоминания: *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 2007. С. 166; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Изд. 5. М., 1995. С. 125–126, 181; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 471; *Он же.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 578; *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; *он же.* В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986; *Скрытников Р.Г.* Иван Грозный. М., 1983; *он же.* Борис Годунов. М., 1983; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. 1584–1605. СПб., 1992. Ценная сводка: *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник (далее – АЕ) за 1976 год. М., 1977. С. 189–190. Специальные очерки очень неполны и имеют ошибки (См. о роде Шереметевых: *Ценков А.И.* Рязанские землевладельцы XIV–XVI веков. Рязань, 1995. С. 166–167; о А.В. Шереметевых: *Богуславский В.В.* Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия: В 2 т. Т. 2. Н-Я. М., 2005. С. 681). А.С. Пушкин, судя по его наброску родословной Пушкиных и Ганнибалов, ошибочно считал Шереметевых своими сородичами и относил к потомкам «мужа знатна Ратши». На самом деле он, вероятно, имел ввиду фамилию Шафериновых-Пушкиных, пресекающуюся к XVIII в. О дьяках Иване и Петре Шереметевых А.С. Пушкин, скорее всего, узнал из глав «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, посвященных Ивану Грозному (См. об этом: *Веселовский С.Б.* Род и предки А.С. Пушкина в истории. М., 1990. С. 14). При упоминаниях служб рода Шереметевых в литературе часто путают их разных представителей. В настоящей статье я попытался исправить эти недостатки.

⁴ *Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. 166.

⁵ *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 125–126, 181.

⁶ Политическая элита Русского государства. IX – начало XVIII в.: Очерки истории. СПб., 2006. С. 231–232, 259, 262; *Лисейцев Д.В.* Указ. соч. С. 193–195, 198, 204, 206–207, 209, 246–248, 251, 289.

⁷ Яков Сереефядин упоминается как отец Константина.

⁸ *Унбегаун Б.О.* Русские фамилии. М., 1989. С. 293, 299.

⁹ В родословцы Шереметевы не попали, поэтому их генеалогия реконструируется по актовым источникам.

¹⁰ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. (далее – АСЭИ). Т. I. М., 1952. № 449. С. 337.

¹¹ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. Сборник документов (далее – АСЗ). Т. III. М., 2002. № 463. С. 381.

¹² Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1841. № 118. С. 155; АСЭИ. Т. III. М., 1964. № 338. С. 362; Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. М., 1978. № 11. С. 18–19.

¹³ *Михайлова И.Б.* Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века: Очерки социальной истории. СПб., 2003. С. 141.

¹⁴ Позднее Шереметевы получили также земли в Переславль-Рязанском уезде.

¹⁵ В писцовой книге 1577/78 г. лишь с. Гололобово именуется «старой их вотчиной» (Писцовые книги Московского государства. Издание Императорского русского географического общества (далее – ПКМГ). Ч. I. Отд. 1. СПб., 1872. С. 383). Поначалу это село получали старшие сыновья, затем его стали делить на доли.

¹⁶ Акты Русского государства. 1505–1526 гг. М., 1975. № 131. С. 128. Будучи перечисленными в перечне послухов, В.Б. Шереметев по каким-то причинам не оставил при ней рукоприкладства.

- ¹⁷ Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край... № 62. С. 98.
- ¹⁸ Там же. № 26. С. 37–38.
- ¹⁹ Подробнее см.: *Мазуров А.Б.* Из истории рода коломенских землевладельцев Шерефединовых // Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института. Серия гуманитарных наук. 2010. №10.
- ²⁰ См. о ней: *Мазуров А.Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления Российского государства. М., 2001. С. 242–244, 395–399.
- ²¹ Города России XVI в. Материалы писцовых описаний / Изд. подгот. Е.Б. Французова. М., 2002.
- ²² Тысячная книга 1550 года и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века. М.; Л., 1950. С. 128.
- ²³ *Михайлова И.Б.* Указ. соч. С. 490–496.
- ²⁴ Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней Руси / Собр. и изд. А.А. Федотов-Чеховский (далее – АГР). Киев, 1860. № 57. С. 95.
- ²⁵ *Веселовский М.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 366.
- ²⁶ Продолжение Древней российской виблиофики. Ч. XI. СПб., 1801. С. 58–59.
- ²⁷ ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 383, 390; *Рогожин Н.М.* Посольские книги XVI – начала XVII вв. М., 1994. С. 202.
- ²⁸ *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 183.
- ²⁹ У С.Б. Веселовского имеется ошибка в идентификации Петра–Андрея. Он считал его сыном Василия Борисовича Шерефединова (*Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины... С. 471). В действительности еще Н.П. Лихачев указал, что отцом Петра–Андрея был Иван Васильевич (*Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. 88).
- ³⁰ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 111.
- ³¹ *Лисейцев Д.В.* Указ. соч. С. 518–526, 531.
- ³² АГР. Ч. 1. № 70. С. 165; № 71; С. 170.
- ³³ *Скрынников Р.Т.* Царство террора. СПб., 1992. С. 295, 531–532.
- ³⁴ Коломенская десятая 1577 г. / Десятины и Тысячная книга XVI в. // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 8. М., 1891. Отд. 3. Историко-юридические материалы. С. 5. Здесь же упомянут его сородич Василий Дмитриевич Шерефединов, имевший оклад в 200 четей и жалованье в 12 руб. (С. 9).
- ³⁵ Там же. С. 5. Примеч. 5.
- ³⁶ Рязанская писцовая и приправочная книга конца XVI в. М., 1982. С. 213–215.
- ³⁷ АСЗ. Т. III. № 491–492. С. 409–410.
- ³⁸ *Рогожин Н.М.* Посольские книги... С. 202.
- ³⁹ Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М., Л., 1954. С. 54–55.
- ⁴⁰ *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 498; Сборник Русского исторического общества (далее – Сб. РИО). Т. 129. СПб., 1910. № 12. С. 170.
- ⁴¹ Сб. РИО. Т. 129. С. 125.
- ⁴² Там же. Т. 71. СПб., 1892. С. 621–623; *Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. 466. Примеч. 2.
- ⁴³ Сб. РИО. Т. 71. С. 749.
- ⁴⁴ Там же. С. 623.
- ⁴⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. (далее – РК 1475–1605). Т. II. Ч. II. Вып. 1. М., 1982. С. 292.
- ⁴⁶ Там же. С. 306; *Лисейцев Д.В.* Указ. соч. С. 246.
- ⁴⁷ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины... С. 471.
- ⁴⁸ РК 1475–1605. Т. II. Ч. II. М., 1982. Вып. 1. С. 368–369; *Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. 467.
- ⁴⁹ Вкладная книга... С. 111.
- ⁵⁰ Нельзя путать второе имя А.В. Шерефединова с другим реально существовавшим дьяком А. Васильевым, возглавлявшим походную посольскую канцелярию в 1562 г. (*Рогожин Н.М.* У государевых дел... С. 80, 86), а с лета 1562 г. ставшего думным дьяком и руководителем Посольского приказа (1562–1570 гг.).
- ⁵¹ *Лисейцев Д.В.* Указ. соч. С. 193.
- ⁵² АСЗ. Т. I. М., 1997. № 99, 104, 144, 184, 214, 305, 318.
- ⁵³ АСЭИ. Т. I. № 486. С. 367.
- ⁵⁴ *Капитанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // АЕ за 1960 год. М., 1962. № 966. С. 177. Примеч. 12 («Андрей Васильев»).

- ⁵⁵ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины... С. 471.
- ⁵⁶ *Каишанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. Ч. 3 // АЕ за 1966 год. М., 1968. I-480. С. 249.
- ⁵⁷ *Лисейцев Д.В.* Указ. соч. С. 198.
- ⁵⁸ *Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. XI, 469.
- ⁵⁹ АСЭИ. Т. III. № 180. С. 196.
- ⁶⁰ *Лисейцев Д.В.* Указ. соч. С. 198.
- ⁶¹ *Каишанов С.М.* Указ. соч. // АЕ за 1960 год. № 1006. С. 182.
- ⁶² Там же. № 1017. С. 184.
- ⁶³ *Каишанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Указ. соч. I-481. С. 249.
- ⁶⁴ Там же. № 1064. С. 190.
- ⁶⁵ АГР. № 106. С. 371.
- ⁶⁶ РК 1475–1605. Т. II. Ч. III. Вып. 2. М., 1982. С. 369.
- ⁶⁷ Там же. С. 402.
- ⁶⁸ *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1951. С. 339
- ⁶⁹ РК 1475–1605. Т. II. Ч. III. Вып. 2. С. 441.
- ⁷⁰ Там же. Т. III. Ч. I. М., 1984. С. 56.
- ⁷¹ Там же. С. 83.
- ⁷² Там же. С. 91.
- ⁷³ Там же. С. 180.
- ⁷⁴ Там же. С. 110.
- ⁷⁵ Там же. С. 222.
- ⁷⁶ Примеры подобного рода совмещений см.: *Рогожин Н.М.* У государевых дел... С. 88, 155, 174–175, 191.
- ⁷⁷ *Морозов Б.Н.* Неизвестные документы об Александровой Слободе в правление Ивана Грозного // Государев двор в истории XV–XVII столетий. Материалы международной научно-практической конференции. 30.X–01.XI. 2003 г., Александров, Владимир, 2006 (Цит. по: *Штаден Г.* Записки о Московии. Т. 2. Статьи и комментарии. М., 2009. С. 212).
- ⁷⁸ Города России XVI века... С. 26, 28.
- ⁷⁹ Там же. С. 47–48.
- ⁸⁰ *Кузнецов В.И.* Из истории феодального землевладения России (по материалам Коломенского уезда XVI–XVII вв.). М., 1993. С. 74.
- ⁸¹ Сб. РИО. Т. 129. С. 356–367.
- ⁸² *Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. 487.
- ⁸³ Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1871. С. 72, 74, 80, 266, 273, 323.
- ⁸⁴ РК 1475–1605. Т. III. Ч. II. М., 1987. С. 22.
- ⁸⁵ Там же. С. 25.
- ⁸⁶ *Лихачев Н.П.* Указ. соч. Приложение. С. 56–57.
- ⁸⁷ Города России XVI века... С. 60.
- ⁸⁸ См.: *Веселовский С.Б.* Ономастикон. С. 272. Возможно, мирским именем Андрея было Третьяк – он был третьим по рождению из сыновей В.Б. Шерефединова. Н.П. Лихачев указал на наличие дьяка с таким именем (Третьяк Шерефединов), но ссылок на источник не привел (*Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. 466).
- ⁸⁹ Последнюю публикацию см.: АСЗ. Т. IV. М., 2008. № 497. С. 365–383.
- ⁹⁰ *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в Средневековой России. М., 1985. С. 22–23.
- ⁹¹ Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 24. С. 58–62.
- ⁹² *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 234. Ошибочно утверждение А.П. Павлова о том, что А.В. Шерефединов в 1588/89 г. «значится в списках выборных дворян по Коломне» (Правящая элита Русского государства... С. 232, 262). На самом деле его имени там нет.
- ⁹³ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 319, 228. Статус выборного зафиксирован в списке дворовых 1585 г. В Боярском списке 1588/89 г. рядом с именем Р.П. Биркина имеются пометы: «Сказался болен. Умре».
- ⁹⁴ *Лихачев Н.П.* Указ. соч. Приложение. С. 56.
- ⁹⁵ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 121, 256.
- ⁹⁶ РК 1475–1605. Т. IV. Ч. I. М., 1994. С. 35.
- ⁹⁷ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 275, 359.

⁹⁸ РК 1475–1605. Т. IV. Ч. I. С. 107, 133.

⁹⁹ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие... С. 578.

¹⁰⁰ РК 1475–1605. Т. IV. Ч. II. М., 2003. С. 69.

¹⁰¹ Описи архива Разрядного приказа в XVII в. СПб., 2001. С. 35, 46–48, 320; *Лихачев Н.П.* Указ. соч. Приложение. С. 56. С.Б. Веселовский полагал, что А.В. Шерепединов умер после 1604 г. Вероятно, вышеуказанные документальные указания ему были неизвестны (*Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины... С. 471).

¹⁰² ПСРЛ. Т. 14. М., 2000. С. 66; *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 1. Вып. 1–3. М., 1990. С. 608.

¹⁰³ *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987. С. 179–180.

¹⁰⁴ Там же. С. 179–180.

¹⁰⁵ *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (тексты, комментарии, статьи). М., 2007. С. 257.

¹⁰⁶ *Скрынников Р.Г.* Самозванцы... С. 179.

¹⁰⁷ *Маржерет Ж.* Указ. соч. С. 257.

¹⁰⁸ *Скрынников Р.Г.* Самозванцы... С. 179.

¹⁰⁹ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 61, 302.

¹¹⁰ Там же. С. 75.

¹¹¹ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608: Сборник документов. М., 2003. С. 140.

¹¹² *Кузнецов В.И.* Указ. соч. С. 78, 82; РГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), кн. 203, л. 64–66, 112, 122–123, 128–129, 155–157, 165–169.

¹¹³ *Сторожев В.Н.* Материалы для истории русского дворянства. Вып. 2. М., 1909. С. 90.

¹¹⁴ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 335–611.

¹¹⁵ *Рождественский С.В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897. С. 224.

¹¹⁶ *Граля И.* Указ. соч. С. 406.

¹¹⁷ *Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 224.

¹¹⁸ Сб. РИО. Т. 71. № 16. С. 432, 442. В литературе часто неверно утверждается, что эту миссию выполнял будущий дьяк А.В. Шерепединов.

¹¹⁹ Народное движение в России... С. 144.

¹²⁰ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 103.

¹²¹ РГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), стб. 71, л. 69. Указанием на этот источник и ряд других сведений я обязан А.Н. Фролову, которому приношу благодарность.

¹²² *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 124.

¹²³ Боярская книга 1627 г. М., 1986. С. 124.

¹²⁴ *Кузнецов В.И.* Указ. соч. С. 171.

¹²⁵ *Сухотин Л.М.* Четвертки Смутного времени (1604–1617) // Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 9. М., 1912. С. 148. А.И. Шерепединов записан, а потом зачеркнут с пометой «умре» в списке коломенских дворян 1628 г., назначенных на службу в Рязань (РГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), л. 1172, л. 47). Это дело датируется 1630 г. (Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. Т. 11. М., 1897. С. 445). Благодаря за данные сведения В.Н. Козлякова.

¹²⁶ РГАДА, ф. 210, стб. 42, л. 140, 142. Указано А.Н. Фроловым.

¹²⁷ АСЭИ. Т. III. № 118. С. 155.

¹²⁸ РГАДА, ф. 1209, № 205, л. 169.

¹²⁹ Там же, № 9275, № 204–211, л. 297–301 об.

¹³⁰ *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века (историко-географический очерк). М., 1996. С. 283. Исследователь подсчитал, что всего было 8 владений, в которых в сумме имелось 29 крестьянских дворов и 147 душ мужского пола.

¹³¹ РГАДА, ф. 1209, № 25186/188, л. 43–44 (Чертеж Коломны с окрестностями).

¹³² *Иванов П.И.* Статистическое обозрение поместных прав и обязанностей в России существовавших, с историческим изложением всего до них относящегося. М., 1835. С. 250.

¹³³ РГАДА, ф. 1209, № 9277, л. 53 об., 61 об., 62 об., 75 об.

¹³⁴ Там же, ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки), оп. 1, кн. 197, л. 171, 276–276 об. Данные предоставлены А.Н. Фроловым.

¹³⁵ *Кусов В.С.* Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описания землевладений. Т. II. М., 2004. № 320. С. 35.